

8. Кондратьева, Н.А. Конструирование социальной идентичности на основе социального воображения / Н.А. Кондратьева, А.В. Ятвецкая // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 948. – С. 27–30.
9. Лапланж, Ж. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланж, Ж.-Б. Понталис; пер. с фр. Н.С. Автономовой. – М.: Высш. шк., 1996.
10. Ле Гофф, Ж. Средневековый мир воображаемого / Жак Ле Гофф; пер. с фр. Е.В. Морозовой; общ. ред. С.К. Цатуровой. – М.: Изд. группа «Прогресс», 2001.
11. Миллс, Ч.Р. Социологическое воображение / Ч.Р. Миллс – М.: Изд. дом «NOTA BENE», 2001.
12. Петровский, А.В. Воображение // Психологический лексикон: энцикл. сл. В 6 т. / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского. – М.: ПЕРСЭ, 2005. – С. 104–105.
13. Платон. Софист // Соч. В 4 т. Т. 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ; Изд-во Олега Абышко, 2007.
14. Сэмьюэлз, Э. Словарь аналитической психологии К. Юнга / Э. Сэмьюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот; пер. с англ. В. Зеленского. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
15. Сартр, Ж.П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения / Ж.П. Сартр. – СПб.: Наука, 2001.
16. Федье, Ф. Воображаемое // Везен Ф., Федье Ф. Философия французская и философия немецкая / пер. с фр. и послесл. В.В. Бибикина. – М.: Едиториал УРСС, 2002 – С. 35–92.
17. Хайдеггер, М. Кант и проблема метафизики / М. Хайдеггер; пер. с нем. О.В. Никифорова – М.: Русское феноменолог. об-во, 1997.
18. Читтик, У. Встречи с воображающимися людьми // Суфий. Осень 2009 – зима 2010. – С. 20–26.
19. Шпанн, О. Философия истории / О. Шпанн; пер. с нем. К.В. Лощевского. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.
20. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Э. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловский; вступ. ст. Ю.Н. Солонин. – СПб.: Наука, 2002.
21. Corbin, H. «Mundalis imaginalis», or the imaginary and the imaginal / H. Corbin. – London: Spring, 1972.
22. Durand, G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire / Gilbert Durand. – Paris, 1960.

SUMMARY

The article deals with social imagination as the ability of society to reflect at the certain stage of its development images of the past and present, and the creation of projects and products of their transformation and design in the future. Two varieties of social imagination – passive and active are defined, where passive social imagination is the distraction from activity, based on an unconscious attraction and desires, and active social imagination is restricted by will and actualized in accordance with the awareness of dangers and limitations. The awareness of the possible danger approaching, the understanding of the impossibility of using outdated patterns and prescriptions of the way out provoke the acts of creativity, create temporal bundles of high intellectual and active tension, opens up the possibility to create something new, that didn't exist before. Thus, social imagination can serve as a practical tool for understanding the radical changes in transition periods.

Поступила в редакцию 14.10.2013 г.

УДК 1:304.9 А.А. Зиновьев

М.А. Сонгаль,

преподаватель кафедры философии БГПУ

ПРОБЛЕМА РАСПАДА СССР В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ А.А. ЗИНОВЬЕВА

Факт распада СССР и поражение социализма в Центральной и Восточной Европе многими философами неоллиберального и консервативного направления воспринимается как закономерный итог несостоятельности социалистического проекта модернизации, который якобы противоречит законам экономики и самой природе человека. В связи с этим причина распада СССР является одной из центральных в современной исторической и социально-философской мысли. Показательной является статья А.Н. Медушевского, в которой подводится предварительный итог отечественных и зарубежных дискуссий о причинах распада СССР, а также предпринята попытка классификации и анализа основных концепций по данной проблематике [1]. Автор выделяет семь основных теорий: имперская, теория национализма, национально-демографическая теория, социально-экономическая, теория кризиса модернизации, теория, объясняющая распад СССР внешним давлением, внутренним заговором или их сочетанием, комбинирующая

теория, исходящая из отсутствия главной причины распада Советского Союза. Можно согласиться с автором данной статьи в том, что «все эти теории характеризуют отдельные стороны явления, но не могут быть приняты как универсальные [1, с. 5].

Тем не менее, концепция самого А.Н. Медушевского, претендующая на объяснение распада СССР «с позиций аналитической истории, опирающейся на методы когнитивной теории», также не является исчерпывающей в решении данной проблемы [1, с. 6]. Во-первых, автор сводит причины распада СССР к провалу «перестройки», «общей причиной которой стало осознание ошибочности сделанного ранее когнитивного выбора, закрепленного в коммунистической идеологии и угрозы выпадения страны из мировой цивилизации» [1, с. 6]. Это позволяет отнести идеи ученого к либеральной концепции о выпадении России после 1917 г. из мирового цивилизационного процесса. Основным недостатком предложенной концепции распада СССР, как и тех концепций, которые

критикует сам А.Н. Медушевский, является то, что история СССР в них рассматривается как совершенно изолированная от всемирно исторического процесса, а сам Советский Союз как замкнутая саморазвивающаяся система. Именно в этом случае история СССР представляет собой череду «необъяснимых глупостей и кровавых преступлений», о чем в свое время писал А.А. Зиновьев. О таком восприятии советского строя свидетельствуют заключительные выводы статьи А.Н. Медушевского: «чудом» является не распад СССР, а столь длительное его сохранение, противоречащее не только законам экономики, но и природе человеческого разума [1, с. 26]. Таким образом, данные концепции, а также идеи автора рассмотренной статьи не способны дать адекватный анализ реальных причин распада СССР. Таким образом, анализ данной проблемы, предложенный А.А. Зиновьевым, заслуживает пристального внимания.

А.А. Зиновьев до конца 1980-х гг. был убежден в незыблемости СССР, однако острая критика социально-экономического и политического строя в советском обществе позволила ему увидеть реальные противоречия, которые при определенных обстоятельствах могли привести государство к распаду. Так, в его работах третьего «диссидентского» периода сосуществуют взаимоисключающие утверждения. С одной стороны, он неоднократно говорил о монолитности СССР, с другой – заявлял о возможности распада социальной и политической системы СССР без зримых усилий как извне, так и изнутри [2, с. 397]. С одной стороны, для А.А. Зиновьева коммунизм означал социальную и духовную деградацию общества, а с другой, – он подчеркивал, что без коммунизма Россия неизбежно погибла бы [3, с. 267]. Философ беспощадно критиковал советский строй, но в то же время, утверждал, что реформы в СССР следует проводить крайне осторожно, чтобы избежать тупиков исторической эволюции.

Ученый утверждал, что формирование теневой экономики вело к постепенному перерождению советского строя. Некоторые исследователи, характеризуя роль и масштабы теневой экономики, утверждают, что фактическая приватизация состоялась в советское время, де-факто государственной собственности практически не существовало, поскольку на каждую часть общественного имущества были заявлены чьи-то права «обычая». Структура теневой сферы повторяла архитектуру социалистического государства – это была та же структура, только с противоположной направленностью индивидуальных усилий. Собственно, «второй» экономики не было, все было взаи-

мосьязано – лидерами теневой сферы стали лидеры и элита официальной сферы. Бюрократический административный аппарат управлял и распоряжался государственной собственностью, но в то же время, вел операции и в теневой сфере [4, с. 536]. Такой же точки зрения придерживался А.А. Зиновьев, считая, что в реальности, общественной собственности не существовало, была частная собственность – так как реально ею владели чиновники, но не обладали юридическим правом собственности [5, с. 153]. Государственная власть оказывала влияние на все сферы жизни общества, а поскольку она не имела никаких ограничений кроме внешних пределов, это приводило к коррупции [5, с. 122–124]. В органах управления СССР сочетались бюрократизм и волюнтаризм. Государственная власть носила внеправовой характер, процедура принятия решений определялась согласованием, а бюрократизм становился прикрытием криминальности [5, с. 186].

А.А. Зиновьев показывал, что фактором распада СССР было увеличение числа высокообразованных людей за время существования советской власти, для которых стала очевидной примитивность идеологии и недостатки советской системы. Они были также восприимчивы к примерам западного образа жизни, в результате чего советские граждане не воспринимали всерьез аскетичные идеалы советского коммунизма [3, с. 158].

Итак, еще в 1970 – начала 1980-х гг. ученый, несмотря на свою уверенность в монолитности СССР, выявил объективные факторы возможного распада СССР. Субъективным фактором, по мнению философа, стал процесс «перестройки», которую он рассматривал как «смуту», а не движение к новому обществу. С его точки зрения, М.С. Горбачев сыграл основную роль в развертывании кризиса системы реального коммунизма [6, с. 452]. «Перестройку» он определял как «невиданное в истории предательство руководства страны своего государства и народа», как серию бессмысленных и насильственных реформ.

Социальные последствия перестройки выразились в окончательном идейном разложении, в результате чего власть утрачивала контроль над обществом. В сфере международных отношений результатом стала ситуация сепаратизма в советских республиках [5, с. 423]. Активизировались национальные движения за автономию – даже среди тех национальных групп, которые не знали другого языка, кроме русского. Такие же тенденции, но с удвоенной силой, имели место в странах соцлагеря, – Москва сама поощряла эту тенденцию особенно в ГДР и Румынии. Политические последствия перестройки выразились в переходе

кризиса управления в актуальное состояние. Так как советское общество было обществом чиновников, то борьба с бюрократизмом оборачивалась усилением бюрократизма. С точки зрения А.А. Зиновьева, суть «горбачевизма» состояла в стремлении навязать стране насильственным путем такой образ жизни, который был выгодным для руководства, это была попытка создать систему сверхвласти вне партийного аппарата [5, с. 477]. Последователи М.С. Горбачева выступали против сталинизма, но действовали сталинскими методами, разрушая сложившуюся в 1950–1970-е гг. систему, переходя к сталинскому волюнтаризму [5, с. 454; 7, с. 251]. Ученый утверждал, что главной целью реформаторов было сохранение власти.

Идейный отказ от принципов социальной справедливости от правящих кругов советского общества переходил в массы, которые выступили против своих интересов. Философ считал, что перестройка стала исторической ловушкой для народа – действуя против коммунизма, он выступал как реакционная сила [5, с. 421].

Общий итог перестройки в духовной жизни – разгром идеологии коммунизма, господство западных идей, деградация искусства. Религиозное возрождение А.А. Зиновьев рассматривал как камуфляж морального разложения и уход от настоящего в прошлое. В результате засорения интеллектуальной сферы возник морально-психологический кризис, рушилась система ценностей, люди ощущали себя в состоянии беспросветности [5, с. 416]. Данную позицию поддерживает и М. Кивинен, который усматривает идейные истоки «перестройки» в утопических концепциях неоллиберализма.

Философ пришел к выводу, что не кризис обусловил «перестройку», а «перестройка» привела, в конечном счете, к кризису. Такая позиция ученого шла вразрез как с официальной точкой зрения советских властей, так и с общественным мнением конца 1980-х гг., которое очень положительно воспринимало реформы и связывало с ними надежды на улучшение.

Тем не менее в 1990–2000-х гг. в общественной мысли начинается переосмысление их итогов. Выводы многих современных историков и философов относительно социальной природы «перестройки» во многом совпадают с идеями А.А. Зиновьева, высказанными еще в конце 1980 – начале 1990-х гг. Так, по мнению, А. Шубина, В. Шевченко, С. Дзарасова, процесс перестройки был социально-политическим переворотом, совершенным номенклатурой в ее собственных интересах, и завел страну в очередной социальный тупик. Причины неудач перестройки, как системы реформ СССР, состояли в копировании западной экономиче-

ской модели, отсутствии постепенности и осторожности в проведении реформ, разрушении устоявшихся механизмов функционирования экономики до создания новых. Уже после распада СССР, М. Горбачев, А. Яковлев, Г. Шеварнадзе признавались, что начиная перестройку, не подозревали, к каким последствиям она приведет.

После августа 1991 г. и октября 1993 г. А.А. Зиновьев пришел к выводу, что за всеми перипетиями внутренней политической борьбы в СССР стоят западные государства, поддерживая открытую и скрытую оппозицию [5, с. 427]. С точки зрения ряда исследователей, любая великая революция (будь то Английская или Французская) неизбежно влекли за собой сопротивление со стороны тех стран, которые получают дивиденды от своего господствующего положения в мировой капиталистической системе и опасаются конкуренции со стороны произошедшей революции. Тем более понятна ненависть к СССР ведущих западных держав, поскольку Советский Союз не претендовал, как в свое время Англия и Франция, на роль лидера мирового капитализма, а бросал вызов всей его экономической системе.

В поиске ответа на вопрос, в чем заключаются глубинные причины враждебности Запада по отношению к СССР, А.А. Зиновьев пришел к выводу, что до революции Россия постепенно включалась в сферу колониального господства Запада над остальным миром [7, с. 511]. Выпадение России после революции из этой сферы, воздействие революционных идей на мировоззрение как низших социальных слоев западного общества, так и, в еще большей степени, на мировоззрение населения зависимых от Запада стран, привели к яростной борьбе правящих кругов против СССР [4, с. 361].

Отрицая агрессивность, якобы присущую России и СССР, известные либеральные историки Д. Кеннан и А. Шлезингер отмечают, что экспансионизм русских был вызван постоянной угрозой со стороны других государств [8, с. 249].

После Второй мировой войны, в которой СССР не только отстоял свое право на существование, но и расширил влияние в мире, по мнению А.А. Зиновьева, возникла реальная угроза для дальнейшей экспансии мировой капиталистической системы.

Но без данной экспансии не способна была выжить сама система западного капитализма. Поэтому США и другие западные страны стали инициаторами «холодной войны», которая началась сразу после окончания Второй мировой войны. Следует отметить, что не только ряд отечественных исследователей, но и западные

советологи возлагают вину за развязывание холодной войны на Англию и США.

Враждебность Запада по отношению к СССР была результатом не столько политических намерений и интересов отдельных политиков, сколько вытекала из самой экспансионистской природы капитализма. Она имела не только прямые последствия, поскольку СССР тратил значительные ресурсы на отражение экспансии, но и косвенные, приведшие к возникновению как объективных внутренних причин распада Советского Союза, так и к формированию субъективного фактора.

Созданная в 1930-е гг. советская мобилизационная военная экономика показала свою эффективность в годы войны, а также в период восстановления народного хозяйства и создания ядерного щита, защищающего СССР от военной угрозы со стороны США [5, с. 317–319]. Однако после начавшегося процесса десталинизации, по мнению А.А. Зиновьева, проявились негативные стороны как мобилизационной экономики, так и превращения гражданского общества в подобие военного лагеря. Данные факторы также впоследствии стали объективными предпосылками распада СССР. Так, сверхцентрализация экономики, приоритет военного производства над гражданским привели к инерционности в экономическом развитии страны [5, с. 362–365].

Несмотря на то, что философ не считал серьезным фактором распада СССР национальный вопрос, ряд современных исследователей часто критикуют большевиков за национальную политику, состоявшую в альянсе социализма и левого национализма, что впоследствии привело к расколу СССР на национальные республики. Однако в результате такого направления политики большевики сделали своими сторонниками представителей левых националистических партий и нейтрализовали правых националистов. Кроме того, включив в состав СССР окраины бывшей царской империи, они обеспечили безопасность восточных, южных и частично западных границ Советского Союза. Независимые страны, которые образовались после распада Российской империи, где победу одержали правые националисты, в 1920–1930-х гг. были враждебны к СССР (Польша, страны Балтии, Финляндия). Впоследствии развитие окраин бывшей Российской империи, вошедших в состав СССР, было связано с помощью со стороны России. Распад СССР не был запрограммирован исключительно национальной политикой большевиков, а во многом явился итогом перестроечных процессов. По мнению историка В.Г. Сиротина, развитие страны по капиталистическому пути неизбежно приводит многонациональные госу-

дарства к распаду на ряд национальных государств. Многие исследователи отмечают, что составные части большого государства никогда не начнут отделяться от центра, если он достаточно силен. В случае распада СССР дезинтеграционные процессы (за исключением стран Балтии) были вызваны тем, что сама Россия фактически перестала управляться центральными органами СССР уже с 1990 г.

Формирование еще в сталинские годы социальной иерархии советского общества приводило также к постепенному сокращению вертикальной социальной мобильности, к социальному недовольству и протесту амбициозных и образованных выходцев из средних и низших слоев общества [5, с. 374–375]. Кроме того, доминирование в управлении советским государством представителей сталинской эпохи привело также к неспособности системы соответствовать процессу усложнения экономики в постиндустриальную эпоху [5, с. 363].

А.А. Зиновьев считал одним из важных объективных условий кризиса СССР состояние догматизированной идеологии марксизма-ленинизма, не выдерживающей конкуренции с так называемой западнистской идеологией. В период индустриализации, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства данная идеология сыграла определенную роль в формировании идейного единства советского народа. Но когда с приобретением ядерного щита военная угроза со стороны запада была предотвращена, догматические положения идеологии и находящиеся под ее влиянием социальные науки превратились в тормоз дальнейшего развития СССР. Так, идеологический догматизм в обществоведении и бюрократизация идеологического аппарата КПСС привели к тому, что дискуссии по проблемам дальнейшего развития СССР были невозможны. Поэтому высшее руководство страны в процессе углубляющегося социально-экономического кризиса советского общества в 1970–1980-х гг. осознало, по образному выражению Ю. Андропова, что «не знает общества, в котором живет».

Концепция А.А. Зиновьева о причинах распада СССР соответствует направлению тех работ отечественных и зарубежных философов левой ориентации, которые, преодолевая апологетическую концепцию модернизации, выдвигают альтернативные теории общественного развития.

Теория модернизации, с помощью которой в научных дискуссиях объясняются неудачи в социально-экономическом развитии СССР, основывается на линейной модели развития, в которой история рассматривается как путь к постоянному прогрессу. Однако не все

страны проходят одни и те же фазы развития, поскольку ни одна из них не развивается изолированно от всего мира. Таким образом, даже сходные процессы модернизации имеют разный смысл в зависимости от того, где и на каком этапе общемирового развития они происходят. Данное положение доказывается И. Валлерстайном на основе мир-системного анализа.

И. Валлерстайн утверждает, что мировая экономика может функционировать и развиваться только на основе экономического и социального неравенства между развитыми и развивающимися странами современного мира. России и СССР И. Валлерстайн в мировой капиталистической системе отводил роль полупериферии и оспаривал представление о том, что в мире после 1945 г. существовали две «мировые системы» – коммунистическая и капиталистическая.

Российский политолог Б. Кагарлицкий, в противовес И. Валлерстайну, утверждает, что СССР со странами-сателлитами пытался сформировать собственную, альтернативную мирсистему и только в 1970-х гг. стал включаться в мировое разделение труда [9, с. 482]. Вопреки представлениям о том, что интеграция в мировой рынок автоматически ведет к демократическим реформам, в Советском Союзе 1970-х гг. наблюдался обратный процесс: свертывание реформ в экономической и политической области стало возможно благодаря тому, что возникшие при этом проблемы решались за счет средств, связанных с экспортом сырья. Можно сказать, что интеграция в мировой рынок стала одним из условий поддержания «застоя» в СССР [9].

Обозначенная модель развития имела свои пределы, а данные факторы подтолкнули руководство СССР к «перестройке», которая завершилась распадом Советского Союза и крахом коммунистической системы. После распада СССР российское руководство продолжало процесс интеграции в мировую экономику по тому же сценарию, который сложился еще в годы «застоя». Неолиберальные реформы внутри страны, массовая приватизация, демонтаж системы социальных гарантий и распад хозяйственных связей в рамках бывшего СССР привели в 1990-е гг. к коллапсу внутреннего рынка. На протяжении 1990-х гг. внутренняя структура общества стала приближаться к «периферийной» модели: малочисленный средний класс, низкооплачиваемая масса трудящихся, растущее число социальных «маргиналов» и узкий слой «передовой элиты» [9]. По мнению А. Фурсова, включение И. Валлерстайном СССР и его союзников в единую мир-экономическую систему капитализма является самой серьезной ошибкой мир-системного

анализа. А. Фурсов также полагает, что СССР и страны-сателлиты являлись реальной альтернативой капиталистической системы до второй половины 1970-х годов. Распад СССР был обусловлен союзом высших слоев советского общества, стремящихся в условиях системного кризиса формироваться из статусной группы в классе собственников, и правящих кругов западных стран, целью которых была нейтрализация геополитического конкурента.

Свою концепцию возникновения, развития и распада СССР предлагал А.В. Бузгалин. Он попытался решить эту проблему с помощью «нелинейной диалектики генезиса новых систем» применительно к возникновению и развитию социалистического общества, для которого «характерны не только нелинейность прогресса нового качества, но и мультисценарность развития новой системы в условиях ее революционного генезиса» [10, с. 18]. Исходя из этого, А.В. Бузгалин полагает, что распад СССР не был фатально предопределен. «Советский Союз был формально социалистическим и сделал большие успехи в фундировании социалистического проекта, но в итоге не смог довести этот проект до конца по причине того, что уровень его собственного политического, технического и культурного развития был низок в соотношении с тем неблагоприятным внешним балансом сил, с которым он должен был бороться» [10, с. 521].

Исторические условия существования СССР были таковы, что на первый план выходит не тот факт, что социалистический проект не воплотился в реальность, а тот, что хотя бы некоторые программы данного проекта были осуществлены. Распад СССР имел негативные последствия для России и других составлявших его республик. Поэтому высказывание А.А. Зиновьева: «Целили в коммунизм, а попали в Россию», – оказалось по-настоящему метким.

Таким образом, широкий диапазон концепций, призванных объяснить распад страны, обусловлен подходами к изучению феномена СССР. Либеральный и консервативный подходы связывают основные причины с внутренними проблемами, существовавшими в советском обществе и государстве, а также с принципиальной невозможностью реализации социалистической идеи. Социалистический радикальный подход усматривает главную причину распада СССР в следующем: предательство советских руководителей, действия внешних сил, субъективные факторы в данном процессе. Исследуя причины распада СССР в результате трансформации своих социально-философских идей, А.А. Зиновьев пришел к выводу, что необходимость постоянной борьбы против экспансионизма западной сис-

темы повлекла как объективные предпосылки, так и субъективные факторы распада Советского Союза и всей социалистической системы. Социальная концепция философа на заключительных этапах его творческого пути находится в общем контексте дискуссий о вестернизации, «золотом миллиарде», нарастающем кризисе техногенного общества. Во многом идеи А.А. Зиновьева созвучны мир-системному анализу и тем направлениям в современной постсоветской и западной общественной мысли, в которых критически анализируется общество потребления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медушевский, А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2011 – № 6. – С. 3–30
2. Зиновьев, А.А. Зияющие высоты / А.А. Зиновьев // Собр. соч. В 10 т. Т. 1. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 715 с.
3. Зиновьев, А.А. Желтый дом I / А.А. Зиновьев // Собр. соч. В 10 т. Т. 3. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000.
4. Тимофеев, Л.М. Институциональная коррупция социалистической системы / Л.М. Тимофеев // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. Т. 2. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Российск. гос. ун-т, 1997. – 761 с.
5. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
6. Зиновьев, А.А. На пути к сверхобществу / А.А. Зиновьев. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – 638 с.
7. Зиновьев, А.А. Исповедь отщепенца / А.А. Зиновьев. – М.: «Вагриус», 2005 – 554 с.
8. Шлезингер, А.М. Циклы американской истории / А.М. Шлезингер. – М.: Издат. группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 688 с.
9. Кагарлицкий, Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
10. Бузгалин, А.В. СССР. Незавершенный проект / под общ. ред. А.В. Бузгалина, П. Линке. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 528 с.

SUMMARY

The reason for the dissolution of the USSR is analyzed. It is one of the central problems in modern historical and social-philosophical thought. The author proves that Alexander Zinoviev revealed in all spheres of the Soviet society the contradictions, which subsequently brought the USSR to disintegration. The scientist's conception of the reasons of the USSR's disintegration corresponds with the field of work of native and foreign left-wing philosophers, who suggest alternative theories of social development overcoming apologetic concept of modernization. It is revealed that the concepts of the philosopher correspond to a large extent with world-system analysis and modern post-soviet and western social thought tendencies which analyze the consumer society in a critical manner.

Поступила в редакцию 14.10.2013 г.

УДК 1:304.2

И.И. Таркан,

преподаватель кафедры философии БГПУ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессы межкультурной коммуникации являются одним из определяющих факторов глобализации. Они прямо или косвенно оказывают влияние на все сферы и институты социальной жизни, обуславливают характер их развития, направленность и тенденции. Однако при глобальном экономическом и социальном неравенстве, борьбе за природные ресурсы и накопление оружия массового уничтожения межкультурные конфликты могут в еще большей степени обострить глобальные проблемы. Поэтому преодоление межкультурной отчужденности и поиск единства между разнообразными культурами являются фундаментальными условиями развития техногенной цивилизации в XXI в.

Осуществление этих условий требует придания процессу межкультурного взаимодействия регулируемого характера, что возможно посредством создания соответствующих институтов, способных выступить движущей силой диалога культур. Это предполагает решение

не только проблемы межкультурной нетерпимости, но создаст условия для широкого обмена духовным наследием культур, позволяющем значительно расширить границы философской рефлексии, направленной на поиск новых ценностей, принципов и идеалов глобального сообщества.

В настоящее время существует большое количество организаций и проектов, способствующих развитию межкультурного диалога во всем мире. Среди них можно выделить религиозные, образовательные, политические, правовые объединения, деятельность которых направлена на формирование глобального гражданского общества. Наиболее влиятельными среди них являются Конференция Парламента мировых религий (в области межконфессиональных отношений), ЮНЕСКО и Движение Фетхулла Гюлена (в сфере культуры и образования), организация «Международный прогресс» Ханса Кехлера (в области международного права), организация «Исламская кон-